

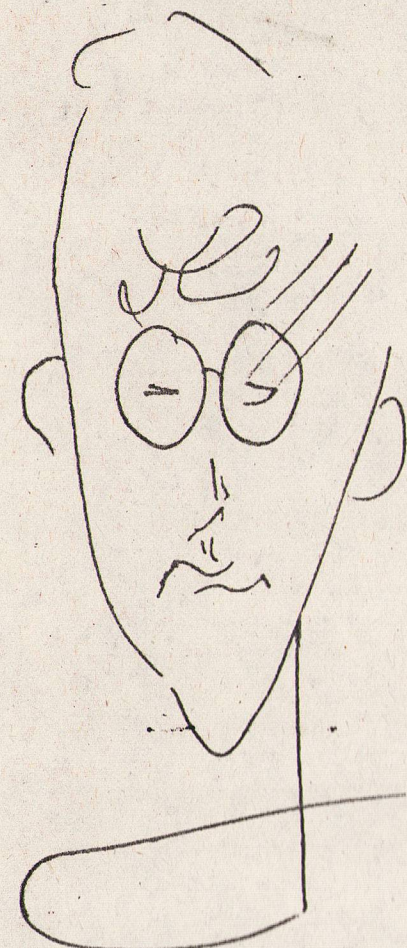
БЫВАЛЬЩИНА

Портреты без рам

Лит. газ. - 1994 - 21 сент. - с. 5.

Шостакович

Судорожными пальцами,
Рывками, словно к киплятку,
Прикасается к очкам
И не может ни им,
Ни рукам своим
Найти место.
Большой и мизинец
Трогают дужки очков,
Словно берут октаву.
Шостакович ежится, сутулится,
Словно знобит его,
Он не смотрит на нас,
Потом поднимает глаза пугливо
И сквозь щелки, сквозь стекла
Покрывающие взгляд на нас
И словно бы не узнает.
Скороговоркой, со ступенными паузами
Он обращается к ученику своему,
Моему другу Болдыреву,
С молодых лет седому человеку:
— Игорь Георгиевич, все удачно.
Очень удачно.
Да, да, да.
Есть над чем поработать,
Но не увлекитесь.
Поработками. Переработками.
Иначе — ося жизнь.
Будете писать. Одно. Сочинение.
Расточительно это!
Осуществляйтесь в следующем опусе.
— Понимаю, Дмитрий Дмитриевич.
Шостаковича зовут к телефону.
— Интервью?
Нет! Нет! Нет!
Он любит короткие слова
Повторять резко. Трикраты.
— Да, формалист.
Да, сумбур вместо музыки.
Да, черт знает что...
Так и пишете!
Слова будто он отрывает от сердца
И — отбрасывает.
Кладет трубку, просит прощения.
Трясет наши руки.
Так. Так. Так.
Потом поворачивается к нам спиной.
Сопушившись, что-то записывает
На клочке нотного листа
На подоконнике. Долго.
Подходит к роялю.
Мы слышим, возможно,
Только что сочиненное.
Ушел в музыку, в ее стихию,

Он где-то внутри ее.
Сидит, не дышит.
Шостакович забыл о нас.
Как хорошо, что забыл.
Лучше бы долго не вспоминал.
Но словно бы просыпается,
Или выходит из облака,
Или из моря.
Лоб разглаживается,
Зрачки увеличиваются,
С улыбки растерянной и виноватой
На искривленных губах
Снова пожмает нам руки.
Трясет их, оттягивает книгу.
Рад. Рад. Рад.

Пришвин

Неужели же напрасно тысячелетиями
привисел соловей в саду?

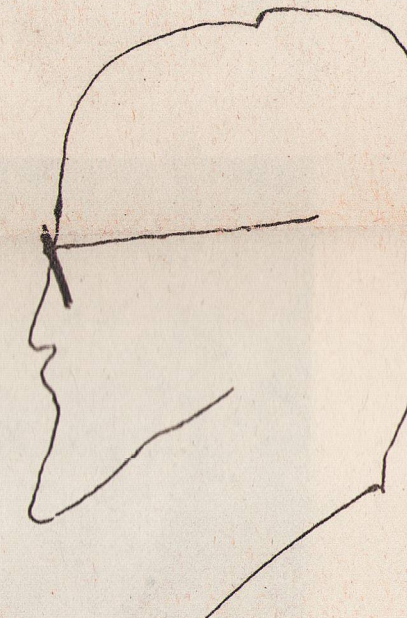
М.П.

Мне нравился образ жизни
Этого человека.
Где-то весной он с Юга
Передвигался на Север.
С ним утверждалась погода,
С ним начиналась охота.
Однажды его попросили
Выступить на конференции
В задуманном папиросами
И словесами клубе.
— Друзья, хочу вас поздравить:
Вчера грачи прилетели.
Некоторые устыдились,
Что заняты непотребством,
Большинство свое продолжало
Как ни в чем не бывало:
И покуривали, и покрикивали,
И покрикивали, и потели.

Всю жизнь я читал Пришвина,
Как пьют родниковую воду.
Русская речь его выбрала
Своей верной защитой.
Он был певцом нежданных весны,
Весны света, весны воды,
Весны травы, весны человека.
Думаю: неужели
Живет в нашу эпоху
Где-то рядом с нами
Такой человек, как Пришвин.
И мне захотелось к Пришвину
В Дунино, под Москвою.

Все исполнится в жизни,
Если сильно захочешь.
Исполнится, только не сразу.
Я видел его трижды:
В редакции и на улице
И на его юбилее.
Но вот неожиданный случай.
Редактор журнала "Октябрь",
Где я в ту пору работал,
Федор Панферов зычно
Проволакался на собрании.
— Пришвин закончил повесть
Или роман-сказку,
Как это сам называет,
Давайте его попросим
Нашему дать журнал.
Молчание — знак согласия.
Видимо, прыгнул зайчик,
Отсвет майского солнца,
Мне в глаза и на щеки.
Что-то во мне загорелось,
Похожее на удачу.
Но ни слова я не промолвил.
Панферов ко мне обратился:
— Ты чудак или любишь,
Ты стариков уважаешь,
Тебе вот и карты в руки.
Поезжай-ка к Михаилу Михайловичу
И рукопись привези нам...
Из боржомной бутылки
Панферов налил горячего
И выпил залпом и хрустнул
Огурчиком на закуску.

Дунино — это раздолье,
Это луга разнотравья,
Это вольному воля,
Когда владеют беспарыве.

Это прозрачен воздух,
Это в гости все звезды
С темного небосклона.
Веранда многококонно
На мир окрестный глядела,
На широкое поле заречья,
На млечный путь без предела.
Дом, озаученный русскою речью,
Стоял передо мною,
Окаймленный голубизною.
— Михаил Михайлович дома?
— Где-то вблизи от дома,
Наверно, по берегу ходит.
Может быть, подождете?
Пойдите, если допите,
— Сказала Валерия Дмитриевна
Спокойно и домовитно.
Я сошел к берегу
По зеленому склону.
Во второй половине мая
Запел соловей, значит,
Берега листок пустила.
Соловей тогда запевает,
Когда может росы напиться
С березового листка.

Я увидел Пришвина издали.
На пенке удобно сидел он,
Хрестоматийный Пришвин,
С тетрадкой на коленях.
Рядом бегала Жулька.
Я стоял в отдаленье,
Приближаться не смел
К творческому человеку.
Не знаю, долго ли длилось
Это мое стоянье.
Пришвин встал, оглянулся,
Поднял свою тетрадку
И медленно двинулся к дому.
— Вы приехали к соловьям!
— Сказал Михаил Михайлович.
— Это к добру! — и руку
Протянул мне навстречу.
— Можно сажать картофель,
Черемуха зацветает.
— И после неловкой паузы:
— Ваше лицо мне знакомо.
Не в "Огоньке" ли встречались?
Валерия Дмитриевна помнит,
У нее хорошая память.

Провел я весь день в Дунино
До самых сумерек синих
И в парусиновой сумке —
Нахормлел, обласкан,
Избыта тревога —
Уезжал роман-сказку
"Осударева дорога".
Какой день! Какая удача!
Думаю, радуясь, чуть не плача.
Я видел близко его лицо,
Овеянное ветрами,
Видел руку, написавшую "Жень-шень",
"Кашею цель", "Лесную капель",
Видел глаза благодарства
Такого дерзкого и такого застенчивого.
Несколько дней я ходил по земле
Счастливейшим человеком.
С таким трепетом рукописи Пришвина
Я положила на редакторский стол!..

Прошло три дня. Рукописи отклонили.
Как так? Почему? Мне не сказали.
Но когда попросили меня поехать
В Дунино и вернуть рукописи,
Прихватив с собой букет цветов,

Довженко

Прихожу, не условясь о встрече.
— Можно?
— Можно. Еще не вечер.
Заходите, разворошим
Наших мыслей вечерний улей.
Он сыпал образами,
Не придумывал — иначе не мог.
Голова на оленьей шее
Поднята высоко,
Крутая синяя седина,
Лоб, нос, подбородок, глаза,
Красный загар —
Резьба по дереву
Местных пород.
Пахарь? Художник?
Козырь? Пчеловод?
Вся жизнь
Оплетена кинолентами,
И разноцветными спальнями,
И убогими стихами
Бедного Демьяна.
— Пожелавшего "Землю" Довженко
Срывать с земли —
Звонок. Входит Смолич
Юрий Корнеевич,
Прямо с вокзала.
Интеллигентно садится за стол,
Поглядывает, помалкивает.
Говорит Александр Петрович:
— Самовольно и грубо
Вписался Демьян
В сценарий жизни моей
Вместе с...
"С" остается без продолжения,
Пауза, тишь.
Вместо фамилии
Палец поднимает
Стремительно авось
И там застывает.
Смолчи покашливает, озирается.
Щеки Довженко пылают маково.
Он привлекателен
В сдержанной ярости.
Нет усталости,
Нет старости.
Садится в кресло — повествователь.
— Через много лет
В двух соседних палатах
Одной известной больницы
Лежим — я и Демьян,
Назвавший ленту мою кулацкой.
Подходит ко мне, говорит
(За язык я его не тянул):
— Не знаю, за что обругал я
Вашу прекрасную "Землю".
Ничего в жизни не видел
Лучше этой картины...
Довженко искусно выдерживает паузу.
— Как вы думаете,
Что я ему ответил?
И Смолич, и я молчали,
Довженко же, как вначале,
Стал ходить по комнате.
— Я ничего не ответил,
— Сказал внезапно.
Он был прекрасен в эту минуту.
Одолео душевную смуту,
Он вернул нас к Десне,
Очарованной Десне,
К тихим вербам в голубизне,
К рыбацкой дремоте,
К каменной позолоте,
К арматурной неспроте.
"Куда так весело спешит
Базарная общественность?" —

Олеша

Он рванул на себе ворот рубашки
Так, что посыпались пуговицы.
— Что с вами, Юрий Карлович?
Не ответил,
Только сверкнул,
Нет, полосу
Исподобья большими глазами,
Серыми до голубизны,
Слегка с зеленой Черного моря
В час вечерний на Ланжероне.
Это глаза колдуна
Или врубеловского Пана,
Который сложил
Могучие руки,
А мог бы землю
Взвалить на плечи.
Долго молчал Юрий Олеша,
Вместе с ним и я молчал,
Подумывая, как бы ретироваться,
Уйти незаметно:
Человеку подчас нужно
Побить в одиночестве,
Это не менее важно,
Чем дружеская беседа.
Наконец по комнатной диагонали

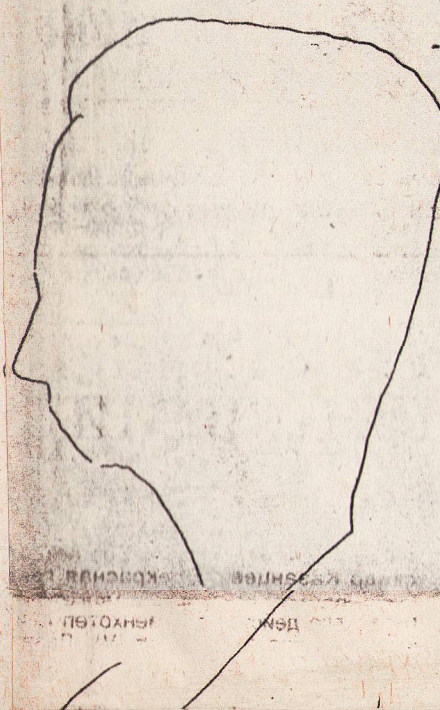
ОТ АВТОРА.

Новая, идущая к завершению книга моя — серия портретов современников, выполненных в духе словесной графики. Здесь поэты, художники, музыканты, ученые, артисты. Рисуя этих людей в час, который позволяет дать их образ если не в полноте, то в драматическом, а подчас и трагическом напряжении. Каждый из портретов носит имя портретируемого. Pamфлетов в этой книге нет.

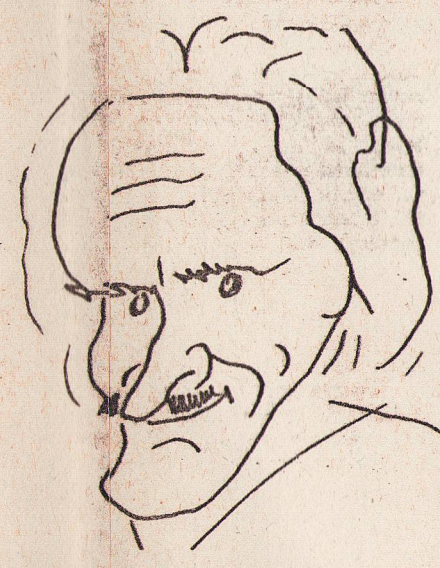
Многих человеческих судеб я был свидетелем и не имею права не рассказать о них. Дружил со старшими наставниками. Они ушли. Оказалось, среди сверстников у меня досадно мало друзей. Понятие "поколение" очень зыбкое и неточное, условное. Оклики любое десятилетие или любой

Я наотрез отказался.
Вскоре я ушел из редакции.
Вернее — меня уволили
По собственному желанию.

Прошло почти полвека. Срамота.
Как будто я во всем был виноват.
Позор. Недавно пришедший дневник
Я прочитал, и вновь тот день возник:
"Это был такой удар
По голове, что я заболел".
Писатель защитился тем, что он
Пять вариантов дал. И — недоволен.
Видел себя, ведь нет чужой вины,
И всех благодарил, кто помешал
Печатавать "Осудареву дорогу".
Мне силлись сны, один скучней другого:
В вагоне еду, запахом цветов
Овеян, выхожу не там, где надо,
Иду по берегу, бросаю в реку
И выльнуть не могу. "Сюда, сюда!" —
Кричит мне Пришвин. Ничего не слышу.
И прощаюсь. И уже лет суровых
Листок пустила белая береза,
И соловей росу берет с листка.
И он поет. Ужели зря поет?

Довженко вернул нас к деду Семену,
Рассказ про его старость
И как после смерти
На его лице улыбка осталась.
Улыбка после смерти!
Он не дождал до голодомора,
До голодовки от успехов,
Тем более до Черного моря,
Случившегося в тишиных местах,
В царстве рыб,
В королевстве птах,
На земле Украины
Поблизости Шербицкого и Горбачева.
Довженко не дождал
До дней Черныбыля,
До Десны, та Припять,
Тот Чернызов
Остался с ним.
— О Демьяне, кажется, все.
Да, я промолчал...
Это так теперь далеко,
Другая роль была у Сашико,
Моего улыбочного гонителя,
Премного пьес сочинителя,
У белокурого Корнейчука,
Как называл своего фаворита
Сам Сталин.
Вторично за этот вечер
Произносится это имя.
Пойдем дальше.
Прямо к чаю.
Вот и зовут нас
Юлия Ипполитовна.
Довженко, увидев ее, просиял.
Ах, Довженко!
Оленья шее.
Пристальный взгляд.
Тоска по невольничеству,
Ускользнувшая, как вечерний свет.
Многое пережила,
Вывив чашу злосчастия до дна.
Экая милость! —
Не дождал до нынешних лет
И — какав удача —
Не увидел, во что превратилась
Его очарованная Десна.

Он зашагал, степенно сутулясь,
Одна его рука за спиной,
Другая за пазухой рваной рубашки.
Глаза полуснули
По мне вторично.

Вдруг он остановился
И смотрит —
Не на меня, а куда-то в далекость:
— Я предложил одному журналу
Новую повесть, а может, роман
И прочитал небольшой отрывок.
И что же вы думаете?
Пауза. — Заинтересовались?
Ничуть не бывало!
"Дайте нам "Зависть"!" — они сказали.
"Зависть" написана, — я ответил...
А вы спрашиваете, "что с вами?"
"Что с вами?" — он повторил
И поднял кремнистый свой подбородок.

И подошел ко мне близко,
Очень близко, лицо к лицу,
Сказал торжественно и чеканно:
— Прошу запомнить — Юрий Олеша,
Неостребованный писатель...
И он опять заходил молча,
И он опять заходил сурово
По комнатной диагонали.
Теперь как пленник, или изгнанник,
Или как там на картине Ван Гога —
Урки, дежущие по кругу,
Заключенному в тюремные стены.
Когда он стал уставать,
От неистовства и от гнева,
Я уговорил его
Отправиться на прогулку.
Ему нужно рассеяться
И мне тоже —
Благодарному слушателю
Этого колдун-рассказчика.
Выходим из ворот,
А в противоположные ворота
Выезжает фурион.
Из него выпрыгивают, как десантники,
Телевизионные мастера:
Операторы, режиссеры, помощники,
Помощники помощников,
Осветители и наблюдатели.
Люди путаются в проводах,
Вонзая в землю треноги,
Шумно оглаживают владения,
Устающие стороже на природе.
Они побывали в двух-трех владениях,
К Олеше не заходили,
Он выпал давно из обихода,
Назовите это опалой.
— Пошли быстрее отсюда! —
Вскрикнул Юрий Карлович
И резко свернул налево.
Он зашагал по-близне,
Сутулясь и вместе с тем
Вскинув голову так,

Светлов

Тающий в небе ущербный месяц —
Это профиль поэта Светлова.
Красненький лба и подбородка
Тянутся друг к другу,
А между ними умная улыбка
Екатеринославского уроженца.
— Я живу среди теней,
Обступивших меня.
Сидят все друзья моей юности,
Никых уж нет.
— Что такое смерть? —
Спросил он.
И сам же ответил:
— Присоединение к большинству, —
Сказал он мне за столиком
В шумном коктейль-холле,
Который он называл котельной.
Печальнейший из людей,
Он влезал их веселит
И просил Ходжей Насреддином
Нашей поэзии.
Он пригубил коктейль,
Закурил и снова
Задал вопрос:
— Что такое поллитра?
И сам же ответил:
— Одна большая капля.
Светлов никогда не пил,
Но — запил.
— Почему полюбил я жидкость?
Во-первых, жид.
Кость — во-вторых.
Тем самым Светлов
Указывал на свою худобу.
— В двадцать восьмом меня
Вызвали вдруг туда,
Жест указательным пальцем
Снизу вверх, —
И сказали мне так:
Мы вас знаем.
"Грепада", "Пирюшка",
Знайте и нас,
Помогите нам выловить
Этих трюкстов.
"Я сам трюкстист", —
Выпала я.
Знаем, знаем,
Потому вам легче их обнаружить.
Пауза — сапсанный полет
С высокой скалы в пропасть.
Завтра же в это время
Приходите, мы ждем ответа.
И пошел я домой с Лубянки.
Маялся, маялся, скорбел,
Не знал, куда себя ткнуть.
Спать лег — не спится,
Сел — не сидится,
Встал — не стою,
Что делать?
Промучился до утра
С трюком поплавок, кое-как.
Утром рано звонок.
Приехал земляк,
Моей юности друг.
Не один — с бутылкой —
С обильной закуской.

Как умел он один на свете.
Он шел, написавший "Зависть",
Но не забывавший богатым.
Отказывался от сидения

в президиумах,

От праздных речей
В присутствии руководства,
От престижных делегаций
И от многого другого,
Соблазнительного для большинства.
Он стал Франсуа Вийоном
Советского Средневековья.
Ничий для него привлекающей,
Чем сыйный латибурист.
Лучше ни дня без строчки,
Чем гостиница для интуристов.
Он писал в стол.
Когда я смотрел на других авторов,
То вспоминал, что они написали.
Когда я смотрел на Олешу,
Я думал о том, что им не написано.
И сейчас, в это мгновение,
Когда я об этом подумал,
Он снова приблизил свое лицо
К моему лицу
И глазами колдуна,
Серыми до голубизны,
Слегка с зеленой Черного моря,
Поглядел на меня
И сказал: — Юрий Олеша —
Неостребованный писатель.
Сказал еще чеканней, чем прежде.
Мы молча вошли в лес
И молча вышли из леса.
Заметно потемнела
Сумеречная завеса.
Олеша сказал:
— Я глядел вокруг,
И если правду сказать, мой друг,
Не понял ни черта, ни белмыса.
— Что вы, Юрий Карлович!
— Молчать! Не надо
Меня успокаивать.
Беспокойство — моя специальность...

Когда мы входили в ворота
Дома, в котором жили,
Олеша восторженно вскинул голову:
— Смотрите, как вылезло!
И стал перечислять звезды,
Которые знал он.
Не только по имени,
Но и отчеству и фамилии.

Выпили — стало легче.
Добавили — стало легко.
Еще добавили — к небу взлетели.
Победили — жить прекрасно.
В эту пору, в этой стране.
В назначенный срок
Поехал на Лубянку.
— Что же, Светлов,
На ногах не стоите!
Пьянцы нам не нужны,
Прочь!
Меня прогнали —
Какой подинок.
Я шел домой —
И душа пела
И не желала
Ирать в рифмы...
Простым способом
Так неожиданно,
Так случайно
Можно решить неразрешимое.
Влага с градусами...

Светлов отпил из бокала
И опять закурил —
С охотой, самозабвенно,
Долго.
Очнувшись, он сказал:
— Слишком мрачно мы с вами
Поговорили сегодня,
Собственно, это я вас заговорил.
Отдохнем от остроум.
Давайте пойдем по Москве,
По колыму бульваров.
Пойдем в Нескучный
И не будем думать о том,
Кто нас ждет за углом,
Даже если он
Нас действительно ждет.